

Габриэль Мулен

Перевод с французского
Сергея Нечаева

ПРЕКРАСНАЯ НОЧЬ, ЧТОБЫ УМЕРЕТЬ

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА
«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

18+

Габриэль Мулен

Прекрасная ночь, чтобы умереть

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Мулен Г.

Прекрасная ночь, чтобы умереть / Г. Мулен — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-98474-5

Юг Франции. Прованс. Небольшой городок Экс-ан-Прованс. Жизнь в нем протекает тихо и размеренно, но даже в таких «райских уголках» случаются преступления, порой чрезвычайно хитроумные и кровавые. И тогда за дело берутся полицейские из участка на улице Корделье: комиссар Жорж Барде, инспектор Морис Лямонт и другие. А когда дело становится уж слишком деликатным, они прибегают к помощи частного сыщика Мишеля Луазона. И тогда можно не сомневаться – преступление обязательно будет раскрыто. В сборник включены девятнадцать увлекательных французских детективных рассказов, названия которых говорят сами за себя: «Хитрый трюк», «Я заставлю их всех замолчать», «Вы убийца? Не смешите меня»...

ISBN 978-5-532-98474-5

© Мулен Г., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Прекрасная ночь, чтобы умереть	5
Замороженный	15
Хитрый трюк	20
Деревенщина	26
Реквием для послушницы	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Габриэль Мулен

Прекрасная ночь, чтобы умереть

Прекрасная ночь, чтобы умереть

Полицейский в униформе позвонил в дверь.

– Месье Луазон?

– Да, это я.

– Не соизволите ли проследовать за мной?

Мишель Луазон почувствовал, что утро начинается совсем не так, как ему хотелось бы. Накануне он весь день работал, и сейчас у него было лишь одно желание – поспать.

– В какой участок?

– На улице Корделье.

– Отлично, у меня там работает пара добрых приятелей. Надеюсь, что это не шутка.

Мишелю Луазону было лет тридцать-тридцать пять.

Лет десять назад он переехал в Экс-ан-Прованс откуда-то из Бургундии. Как и все бургундцы, он был светловолосым и голубоглазым. Уже в Эксе он познакомился и подружился с инспектором полиции Морисом Лямоттом.

Мишель Луазон рано стал сиротой и начал сам зарабатывать себе на жизнь. Обладая живым умом и незаконченным юридическим образованием, он не мог видеть себя вне увлекательных полицейских расследований.

Однажды Лямотт спросил, почему его друг стал частным сыщиком, а не попытался устроиться в полицию. Мишель долго молчал, а потом сказал:

– Знаешь, Морис, каждому человеку отведено определенное время, и тратить его нужно на то, что реально по душе. Единственное, чего человек не должен делать никогда, это вступать в конфликт с законом – даже если закон этот ему совсем не по душе. И при всем при этом, важно не терять независимость.

Вот так, не больше и не меньше.

Частное сыскное агентство Мишеля Луазона, как он сам себя называл, долгое время еле сводило концы с концами, сам Мишель занимался слежкой за неверными женами и мужьями, и это, в конце концов, начало приносить ему кое-какой доход.

По душе ли это ему было? Вряд ли, но как иначе он мог встать на ноги?

А когда, наконец, встал, то уже мог позволить себе выбирать дела по вкусу и получать от работы истинное удовольствие.

Инспектор полиции Морис Лямотт сотрудничал с Мишелем Луазоном несколько лет, и уж и не помнил, сколько расследований тот провел по его поручениям. Наверняка, не меньше десятка.

Их тандем уже проявил себя. И проявит вновь, в этом можно было не сомневаться...

– Это самоубийство, Луазон.

– Вы уверены, комиссар?

Комиссар Барде кивнул. Такой вывод было сделать совсем не сложно: два выстрела в висок, явные следы пороха на руке. Тут не было и тени сомнений.

Пятидесятилетний комиссар Барде выглядел уверенно и важно, производя на окружающих особое впечатление своими шикарными военного типа усами. С первого взгляда можно легко догадаться, что начальник в полицейском участке на улице Корделье – именно он.

Двадцатидевятилетний инспектор Морис Лямонт выглядел куда скромнее. Вокруг его глаз лежали глубокие тени, придавая его лицу печать совсем не свойственной людям такого возраста безмерной усталости. Если бы не пистолет, пристроенный в подмышечной кобуре, которая стягивала ему плечо, его можно было бы принять за недоучившегося студента или молодого официанта. Тем не менее, от всех остальных полицейских инспекторов его отличали особое чутье и расторопность. Благодаря этому, комиссар Барде относился к Морису Лямонту почти по-отечески и старался всегда брать с собой, лично обучая премудростям полицейского ремесла.

Комиссар Барде закурил свою любимую трубку из бриара и с мундштуком из акрила. Инспектор Лямонт хорошо знал все привычки своего шефа и мог легко отгадать, смотря на его приёмы при курении, в хорошем ли он или в дурном расположении духа. Когда Жорж Барде бывал всем доволен, и душа его была спокойна, то обыкновенно он курил с прохладой и расстановкой, затягивался и глотал с наслаждением табачный дым, выпуская его ртом и носом, тихо, ровно и без всяких порывов; когда же комиссара тревожила какая-нибудь неприятная мысль, он вовсе не упивался ароматическим дымом, а просто дул изо всей силы, крепко сжимая пальцами чубук. Сейчас был именно тот случай. Комиссар Барде был обеспокоен непредвиденными обстоятельствами: хотя покойный находился в составе его команды уже почти семь лет, он практически ничего о нем не знал. Он даже не знал, был ли он женат, и сможет ли кто-нибудь организовать его похороны? К счастью, имелся Луазон, приятель Лямонта, с которым Жюльен Фабр жил в одном доме, и с его помощью комиссар надеялся как можно скорее уладить все формальности.

– Он жил один.

– И... Как бы это сказать... Его смерть вас удивляет?

– Нет!

– Нет?

– В пятницу вечером он сам сообщил мне об этом...

– И вы ничего не сделали, чтобы его отговорить?

– Нет, и потом, я не очень-то ему поверил. Он был таким веселым...

– Веселым? – переспросил комиссар Барде и принялся теревить свои усы. Это была его вредная привычка: если Жорж Барде чего-то не понимал, он начинал приглаживать свои черные усы. А в данный момент он действительно не понял, о чем толкует ему Мишель Луазон.

– Ты хочешь сказать, – вмешался в разговор инспектор Лямонт, – что он был чему-то рад? Но чему?

– Это удивительно! Жюльен Фабр выглядел счастливым... А еще он вдруг сказал мне: «Прекрасная ночь, чтобы умереть!»

– И это не заставило вас что-то предпринять?

– Нет, он же был таким шутником...

Вошли люди с носилками и спросили, могут ли они унести тело. Жестом комиссар Барде дал согласие на это и пробормотал сквозь зубы, но достаточно громко, чтобы его услышали:

– Что за странная идея – покончить жизнь самоубийством в участке... И тем более – в моем кабинете. Начальство в Марселе устроит истерику!

Мишель Луазон решил воздержаться от комментариев по поводу этих эгоистических соображений и отвернулся, чтобы понаблюдать за уносом тела своего соседа. И тут он вдруг обратил внимание на одну деталь:

– На нем очки?

– Да, действительно! – констатировал его друг инспектор Лямонт.

– И у него чернила на пальцах?

– Да, я уже отметил это в отчете.

– То есть он оставил сообщение, чтобы как-то объяснить этот свой поступок? Нашли письмо или записку?

– Нет.

Двое мужчин унесли тело.

Мишель Луазон начал осматривать помещение.

– Вам так интересно в моем кабинете?

– А вас, господин комиссар, это беспокоит больше, чем то, что Жюльен Фабр умер?

По пути к выходу он повернул голову к письменному столу и увидел там мелькающий маленький оранжевый диод.

– Комиссар?

– Что там еще?

– Это вы включили компьютер?

– Нет. Я только что приехал. Ведь я с сегодняшнего дня должен был находиться в отпуске, а тут – такое...

– Но он работает.

– Должно быть, я забыл выключить его прошлым вечером... Я спешил, видите ли... Я должен был быть сегодня у свекрови в Кассисе, на берегу моря... Представляете, старушка готовит фуа-гра как никто другой...

– Я рад за вас, господин комиссар! Не возражаете, если я проверю?

– Проверите что? – спросил Жорж Барде, погруженный в воспоминания о своих тихих семейных радостях.

– Ваш компьютер. Можете нажать на пробел!

Комиссар был явно раздражен происходящим и этим зазнайкой, который вдруг решил разыгрывать из себя специалиста из Скотленд-Ярда под тем лишь предлогом, что его сосед счёл нужным приехать и покончить с собой на его столе. Этот Жюльен Фабр был тем еще... Министерство просто навязало ему его несколько лет назад. Комиссару этот Фабр никогда не нравился, хотя, по правде говоря, ему никогда не приходилось жаловаться на его работу, но Фабр был молчаливым и, когда его служба заканчивалась, он тут же исчезал. Почему, черт побери, он вернулся ночью в участок, чтобы наложить на себя руки?

– Смотрите!

Прибор включился. На экране появилось сообщение, выполненное черными буквами на синем фоне.

– Вот то, что мы искали: «Нет больше сил бороться. Жизнь надоела. Причин тому много». Лаконично и так на него похоже! – заключил инспектор Лямонт, нажимая клавишу «Print Screen».

Комиссар Барде выглядел очень довольным. У него имелось вещественное доказательство.

– Дело закрыто! – объявил он.

– Я до сих пор не могу в это поверить.

– И все-таки вам придется это сделать. Прощайте, старина Луазон, и примите мои соболезнования.

Со вздохом облегчения комиссар Барде проследил за тем, как выходит Мишель Луазон. Этот парень определенно раздражал его. На самом же деле, он принимал на себя всю агрессию, которую комиссар невольно испытывал к Жюльену Фабру.

Мишель Луазон попытался привести в порядок свои мысли. Его целью теперь должны были стать поиски преступника. Он попытался вспомнить тот день, когда он встретил своего соседа в пивной «Химера». Жюльен Фабр, в противоположность его изнуренному настроению

последних месяцев, был совершенно расслаблен. Настроение в пивной у всех было приподнятое, а некоторые посетители уже выглядели изрядно подвыпившими.

Они с Жюльеном Фабром давно притязались. Несколько смущаясь, Луазон протянул Фабру футляр. И, словно извиняясь, он сказал, что это всего лишь ручка. Просто так, дружеский подарок. Жюльен поблагодарил его словами «это хорошо, посмотри, что стало с моей» и показал свои пальцы, измазанные синими чернилами. Затем он сунул новую ручку в нагрудный карман. Потом разговор пошел о жизни, и Мишель Луазон заметил:

– Никогда не видел тебя таким.

– Я на грани, старина, я на грани!

– Что такое?

– Мне кажется, я нахожусь у цели, и если я не смогу довести дело до конца, я рассчитываю на то, что ты его закончишь.

– Что я должен закончить?

– Ты скоро все поймешь. А сегодня – просто прекрасная ночь, чтобы умереть! Что же касается тебя, то следи за некрологами, старина!

Каждое слово, сказанное Жюльеном Фабром, всплывало в памяти Луазона. Ему же тогда на миг показалось, что его сосед просто смеется над ним.

Несколько лет назад дело о массовых преступлениях буквально поставило полицию на уши. Семь молодых женщин ушли из жизни, и никто не нашел ни малейшей причины. Убийца был аккуратным: ни следов, ни отпечатков. Он не был идентифицирован, по крайней мере, не был отмечен как сексуальный преступник.

Дочь Жюльена Фабра оказалась одной из первых жертв. С этого дня ему оставалось только найти ее убийцу. Он собрал большое досье, в котором подробно рассказывалось о полицейском расследовании. Газетные статьи были точны и хорошо документированы. Дело в том, что одна журналистка шаг за шагом следила за действиями полиции. Увы, она стала последней жертвой.

Мишель Луазон был в курсе этого дела. Они с Жюльеном Фабром проводили долгие вечера, обсуждая его, перелистывая страницы досье в поисках намека, который мог бы подсказать им новые пути.

Мишель Луазон закрыл глаза, и его охватило беспокойство. Этот поиск, который он в свое время принимал за интересное упражнение для мозгов, оказался роковой реальностью. Искать в одиночку убийцу своей дочери мог только Жюльен Фабр.

Наступила ночь. Частный детектив Луазон был охвачен сомнениями – слишком много вопросов роилось у него в голове. Ему нужно было обсудить это с кем-то. И у него мелькнула мысль, что его соображения могут заинтересовать прессу. Он позвонил в местную газету, и его без особых проблем соединили с главным редактором. Оказалось, что тот знает Жюльена Фабра.

– Несколько лет назад мы очень заинтересовались целым рядом преступлений. Мы неплохо поработали тогда, но с тех пор я потерял его из виду. А что с ним?

– Полиция считает это самоубийством, но я склоняюсь скорее к убийству.

– Убийству? А расследование начато? Могу я с вами встретиться, инспектор?

– Нет, нет, я не полицейский. Я просто один из его друзей.

– Я не понимаю. Почему вы позвонили мне?

– Комиссар Барде не желает выслушивать мои доводы, предположение об убийстве в его кабинете его не очень-то устраивает. И я подумал, что пресса...

Мишель Луазон был ошеломлен: возможно, на самом деле он ошибался.

– Хорошо, я вас понимаю. И где мы можем увидеться?

– Если вы не возражаете, я предлагаю зайти ко мне домой. Я жду важного звонка.

– По поводу этого дела?

– Нет, нет, моя семья сейчас находится в отпуске в Альпах, и с утра горнолыжная станция там заблокирована оползнем.

– Ладно, без проблем, дайте мне ваш адрес, я посмотрю, могу ли я кого-нибудь послать к вам.

Жозеф Жубер повесил трубку. Проведя обеими руками по лицу, он на мгновение задумался. В свое время он работал стажером у той самой Кристины Меневаль. С ней он узнал всё о профессии журналиста. Очень упрямая, она никогда не бросала следа и всегда шла в своих расследованиях до конца. Это была настоящая пассионария, которая, увы, стала жертвой своего же ожесточения. Бесстрашный Жозеф Жубер перехватил эстафету. Он стал репортером, а потом – главным редактором. Это нервное существо всегда было наготове, вглядываясь в малейшую щель. И он умел преподносить добытые сведения так, чтобы изо дня в день держать своих читателей в напряжении. В эпоху компьютерных игр и телевизоров он был виртуозом привлечения внимания. Тиражи газеты при нем резко увеличились, и сотрудники зажили очень хорошо.

Жозеф Жубер стал заметной личностью. Про него говорили, что для достижения своих целей он готов на все и никогда не теряет хладнокровия. Конечно, в этой среде, где ставки столь велики, любые удары кажутся допустимыми. Хорошая информация, вышедшая в нужный момент – это сотни голосов, перешедших из одного в другой лагерь.

Мишель Луазон был поражен: сам Жозеф Жубер лично поднял свой зад, чтобы услышать то, что он хотел сказать. Он поставил его в известность о последних событиях.

– Сообщение, оставленное на компьютере, заставляет предположить, что Жюльен Фабр покончил с собой.

– Предположим, но вы сказали, что обнаружили нечто странное.

– Жюльен Фабр был дальновзорким, он использовал очки только для чтения и письма. Так вот, он был в очках, когда умер... А на пальцах у него были чернила.

– Чернила? И что тут такого?

– Его старая ручка текла. Я подарил ему новую. Мы встретились в конце дня, и когда мы расстались, у него были чистые руки. Я уверен, что Жюльен Фабр что-то написал перед смертью, и он хотел, чтобы я это знал, иначе он использовал бы свою новую ручку.

– Вы знаете, человек, который отдает себя в руки смерти, не всегда находится в своем уме. Возможно, он машинально вытащил старую ручку. Со мной такое часто случается, мы же привязаны к старым вещам, хотя они почти не используются.

– Наверное, вы правы!

– Допустим, он хотел что-то написать. Он взял ручку, надел очки и не нашел листок бумаги. Разве вы не говорили мне, что он сумасшедший пользователь, и что может быть естественнее, чем оставить сообщение на компьютере.

– Я чувствую себя нелепым. Не желаете ли что-нибудь выпить?

– С удовольствием. Так нам будет даже удобнее все хорошенько обдумать.

– Жюльен Фабр умер от двух выстрелов в висок. Почему два выстрела?

– По-моему, это часто бывает, когда в шоке палец второй раз нажимает на спусковой крючок. Вообще-то два выстрела подряд с совершенствованием стрелкового оружия – это вполне обычное дело.

– Но как объяснить, что он сказал мне, что находится у цели?

– Не знаю, будем искать. Вы уверены, что он говорил о каком-то деле?

– Нет. Уже несколько недель он не говорил мне об этом. Казалось, он признал себя побежденным. У него уже не было сил. И больше его ничто не интересовало.

– Короче, он был подавлен...

– Вы правы. Я был под очень сильным впечатлением, увидев его мертвым. Я, наверное, зря вас потревожил.

– Не волнуйтесь. Вы знаете мою репутацию. Я лично проработаю это дело, и если найдется хоть что-нибудь, то я обязательно буду об этом знать!

Вдруг у Мишеля Луазона в уме все прояснилось. Смерть Жюльена Фабра не останется необъяснимой. Жозеф Жубер найдет ключ, он уверен в себе. Он встал и предложил своему гостю записки Жюльена Фабра, которые у него находились.

– Почему бы не начать с этого? – сказал журналист. – Решение, несомненно, есть. Одолжите мне это досье, я его тщательно изучу.

Натали Луазон решила отвести детей к их отцу. Там они были бы в безопасности, нашли бы чистую одежду и свои замечательные вещи.

– Пойдем-пойдем, мама!

– Чёрт! Мы сделаем папе сюрприз!

Габриэль осторожно открыл дверь и молча проскользнул в прихожую в сопровождении своей маленькой сестры. Они были поражены, увидев в квартире одинокого незнакомца. В руке у него была тяжелая бронзовая статуэтка из гостиной, которую он поглаживал ладонью. Оба ребенка и их мать лишились дара речи.

Вдруг Мишель Луазон вышел из своего кабинета и воскликнул:

– Дети мои, но как это? Я пытался дозвониться до вас весь день, но линии были отрезаны.

Они радостно поцеловались. Детям было, о чем рассказать. Они объяснили, что доехали на фуникулере до «уровня 3000», а потом спустились оттуда на лыжах в соседнюю долину, а потом взяли машину до Шамбери...

– Хмм... Я не хотел бы вас больше беспокоить, – вмешался Жозеф Жубер, – поскольку произошло восстановление маленькой семьи...

– А-а! Извините, вот это досье, и если вы сможете что-то сделать...

– Рассчитывайте на меня.

– До свидания. Спасибо, что пришли. Я жду от вас вестей.

Когда журналист вышел, Натали не без любопытства спросила:

– Кто это был?

– Ты не узнала его, это Жозеф Жубер.

– Я не думала, что он такой маленький. А ты что, теперь и в политику лезешь?

Мишель успокоил ее и отправил детей в свои комнаты.

– Что-то серьезное?

– Жюльен Фабр мертв!

И Мишель Луазон подробно рассказал жене о происшествии. Натали, у которой не наблюдалось большой симпатии к покойному, слушала внимательно.

– Знаешь, я немного ревновала. Как только он звонил, ты убегал. Я думаю, ему не нравилась наша пара, но он не заслуживал того, чтобы закончить вот так.

Мишель предложил Натали переночевать у него. Он хотел было предложить ей спальню, но она осталась тверда: они проездом, и она будет спать на диване в гостиной.

Мишель Луазон был счастлив. После этого суматошного дня знать, что Натали в его стенах, – это наполняло его приятной непринужденностью. Между ними наконец был зарыт топор войны. Они могли разговаривать друг с другом, как два цивилизованных существа, есть вместе за одним столом, с детьми, как нормальная семья. Может быть, именно смерть Жюльена

Фабра дала событиям такой поворот? Луазон даже рассердился: как он мог позволить дружбе с соседом поставить свою пару в такое неловкое положение?

– Мишель, я могу войти?

Не дожидаясь ответа, она проскользнула в спальню, потом в кровать.

– В твоём доме холодно.

Предлог или нет, но Луазон был в восторге от того, как все обернулось. Он немного приблизился к Натали.

– Нет, послушай, Мишель. Я все размышляю над тем, что ты мне рассказал. Что-то тут не так. Когда мы вернулись домой с детьми, мы застали этого человека, журналиста, и у него был такой странный вид, словно его схватили с поличным.

– Что ты хочешь этим сказать?

– В руке у него была тяжёлая бронзовая статуэтка... Странно. Ты этого не заметил, так как дети на тебя набросились, а вот я наблюдала за ним, потому что не знала, кто он такой, и я нашла его взгляд... виноватым.

– В каком это смысле?

– Тебе же известно, что я знаю досье Жюльена Фабра наизусть, так как слышала, как вы его обсуждали. А что, если виновник тут – Жозеф Жубер?

– Жубер??? Ты с ума сошла!

– А почему бы и нет? Он следил за расследованием шаг за шагом, в компании с Кристиной Меноваль. Разве у него нет репутации человека, который сам создает все события? После нескольких убийств он обманул ее и занял ее место. Ты знаешь продолжение: карьера, которой многие теперь завидуют. По стечению обстоятельств, о которых мы не знаем, Жюльен Фабр заподозрил его, заговорил с ним об этом и дал себя убить.

– Жюльен Фабр был гораздо хитрее.

– Но все-таки он был убит! Как и то, что чуть не случилось с тобой, только что: я все больше убеждаюсь, что статуэтка была предназначена для твоей головы.

– Но тогда...

– Да, но как доказать все это, это же только мои догадки.

Жозеф Жубер немного волновался. Как поведет себя этот Луазон? Если бы он хорошо контролировал его, ему не пришлось бы его ликвидировать. С завтрашнего дня ему придется встретиться с ним снова, чтобы узнать побольше, но ему нужно будет вести игру осторожно, чтобы все не пошло так, как прошлой ночью в полицейском участке...

– В январе 1964 года, – сказал Жюльен Фабр, – моя мать родила меня на свет. Так что я стал свидетелем «Красного мая» 68-го года. Баррикады, погромы и поджоги, столкновения с полицией. При разгоне митингующих применялся слезоточивый газ, несколько сотен человек получили ранения. Погиб один полицейский... Так моя мать стала вдовой...

– Эй, старина! Вы явно выпили и пустились в воспоминания. Но я – журналист, и мне нужны актуальные события. Как говорится, скандалы, интриги, расследования.

– Терпение! Вы не зря двинулись с места, обещаю, но сначала мне нужно показать контекст. Поэтому я говорю, что моя мать пыталась использовать свой статус вдовы, чтобы удержать меня при себе, но у нее ничего не получилось. Потом она умерла, и я, став сиротой, оказался в полиции.

– Это просто чудо – ваша история! Однако, простите, но у меня сегодня дела. Переходите к фактам, и через два часа все это будет в печати, а так...

– Факты сводятся к одному вопросу: я понимаю, зачем вы убили Кристину Меноваль, но почему вы убили её дочь?

– Презрение, страшное презрение. Я принял их за двух лесбиянок. Я...

Последние слова застряли в горле Жозефа Жубера. Он понял ситуацию: что он только что сказал и кому... Он посмотрел на Жюльена Фабра с удивлением.

– Продолжайте, – спокойно сказал последний.

– Я видел, как Кристина ее обхаживает. Она никогда не говорила мне, что у нее есть дочь. Я любил Кристину. Я ревновал. И я очень сильно разозлился! Вы меня арестуете?

– Сначала я хочу понять.

– Понять что? Нечего тут понимать. Столько лет прошло. Я думал, что никогда больше не услышу об этой истории.

Жюльен Фабр неуверенно встал и покачнулся. Он подошел к окну, повернувшись спиной к собеседнику.

– Я хочу понять, зачем вы убили мою дочь?

Поведение Жюльена Фабра успокоило Жозефа Жубера, и ему не составило бы особого труда справиться с этим пьяным полицейским.

Разговаривая, он подошел к письменному столу и резким движением схватил небрежно брошенный на стол служебный пистолет Фабра.

– Не двигайтесь! А теперь расскажите мне, как вам удалось добраться до меня?

Жозеф Жубер спрашивал. Полицейский отвечал с трудом, он как будто искал слова. Журналист принимал его слова за чистую монету. Жюльен Фабр был типичным одиночкой. Он проводил свое расследование в свободное от работы время. О его выводах никто не знал. И Жубер принял решение убрать его.

Он усадил его и приказал написать несколько слов для своих близких, желая таким образом проверить, правша ли полицейский.

– Что писать?

– Не знаю, попрощайтесь с ними.

Жюльен Фабр достал из кармана ручку и нацарапал несколько слов.

– «Прекрасная ночь, чтобы умереть»? Вы все поняли. То есть вы не так-то и пьяны...

– Я не пьян.

– Ну да, ну да. В любом случае, это не имеет значения!

И Жозеф Жубер выстрелил Фабру в голову. Затем он положил ручку обратно в карман мертвеца, спрятал его послание и занялся компьютером. Затем он вложил пистолет в руку своей жертвы и, приподняв голову за волосы, снова нажал на спусковой крючок. Теперь у полицейского на руках были следы пороха, и самоубийство выглядело вполне правдоподобным. Взяв у Фабра ключи, журналист отправился к нему домой, чтобы поискать какие-то компрометирующие документы. Но ему удалось найти только старую папку с газетами, в которой он узнал некоторые из своих статей.

– Опять это вы, Луазон! Слушайте, у меня мало времени.

– Вы читали газету, комиссар?

– Нет, у меня и других забот хватает.

– Ну, вы должны это сделать, это очень поучительно. Взгляните хоть краем глаза!

Комиссар Барде посмотрел на предложенную ему статью.

– «Смерть полицейского»? И что тут такого?

– На случай, если вы не знаете: Жюльену Фабру было сорок восемь лет. Он родился в семидесятом году, и он никак не мог быть свидетелем «Красного мая» шестьдесят восьмого года. Тогда, в шестьдесят восьмом, действительно погиб один полицейский, в Лионе, он был раздавлен грузовиком, который выкатили на улицу студенты. Но отец Жюльена Фабра не был полицейским...

Комиссар Барде сменил цвет – его привычный бледный цвет лица превратился в багрово-красный. У него даже в уголке губ потекли слюни.

– Безобразие! Я вызову этого журналистишку... Он у меня узнает, что такое публиковать всякую непроверенную ерунду!

– Терпение, комиссар, терпение, выслушайте меня: это он.

– Кто он?

– Серийный убийца.

Прежде чем комиссар успел что-либо возразить, Мишель Луазон поведал ему о расследовании Жюльена Фабра в поисках убийцы своей дочери.

– Того самого, что насильничал своих жертв, когда они умирали?

– Того самого! Я вижу, эта мерзкая деталь от вас не ускользнула!

– Все эти убийства происходили в этом районе, так что сами подумайте, знаю ли я это дело.

– Вот почему Жюльен Фабр молчал. Он поклялся себе, что сам найдет виновного. И ему это удалось!

– Это стало причиной его самоубийства?

– Его убийства, комиссар!

– Я думал, мы договорились, Луазон! Хватит уже рассказывать мне сказки про убийство...

– Жюльен Фабр довел дело до конца: он сказал мне, что вышел на след. Я лишь расшифровал знаки, которые он нам оставил. Впрочем, это, наверное, первый случай, когда полицейский расследовал собственную смерть. Есть только одна вещь, которую я не могу объяснить.

– И какая же?

– Почему он умер, он же знал, с кем имеет дело, и ему следовало бы остерегаться.

Комиссар Барде утратил свой ироничный тон и начал приглаживать свои черные усы. Ситуация совершенно ускользала от него. Он ничего не понимал...

Мишель Луазон сжалился над ним. Он поспешил успокоить его, объяснив, как все могло происходить. При этом он предположил, что Жюльен Фабр играл со своим противником, давая ему неверные указания относительно своей биографии.

– Отсюда и грубая ошибка в газетной статье. К тому же Жюльен Фабр сказал мне следить за некрологами. Он здорово все придумал!

– Но о ком вы, в конце концов, говорите?

– О Жозефе Жубере, о серийном убийце!

– У вас есть доказательства того, что вы утверждаете?

И тогда Луазон рассказал о визите Жубера, о сомнениях Натали и их посещении среди ночи лаборатории, где работала подруга Натали, где они смогли исследовать слюну, оставленную на стакане Жубера.

– Когда будут результаты?

– Они у меня, комиссар.

– Так быстро?

– Я знал, что искал, и это было срочное дело.

– И что же?

– Генетическая карта идентична, это наш человек.

– Ничего себе! Хорошо! Луазон, я исправлюсь, я тут же возобновлю расследование.

– Комиссар, сделайте анализ еще раз. Я не сомневаюсь в результатах, но не стоит рисковать, что меня обвинят в предвзятости. Официально я в это дело не вмешивался.

– Положитесь на меня!

– Алло, комиссар Барде? Это Луазон. Поздравляю, вы стали настоящим героем, пресса говорит только о вас, о вашем упорстве в поиске истины...

– Не издевайтесь... Но я сам собирался позвонить вам. Думаю, мне нужно вам кое-то сказать... Вы не прочтете это в газетах... Это – совершенно секретно... Вы мне клянетесь?

– Хорошо, и о чем идет речь?

– Жюльен Фабр... У него была опухоль головного мозга, и жить ему оставалось всего несколько дней... Может быть, пару недель... И он таким образом покончил с собой. Но подтолкнув Жубера к новому преступлению, он подарил нам возможность передать этого мерзавца в руки правосудия.

Замороженный

Комиссар Барде чувствовал, что он уже на грани. Во-первых, сегодня для него начался его пятый день без табака (он бросал курить много раз, использовал для этого различные способы, но каждый раз срывался и начинал все с начала), а потом нестерпимая жара, свирепствовавшая в Провансе, помешала ему нормально заснуть. И чтобы совсем мало не показалось, у него еще и противно ныл зуб. Он ехал, держа все окна в машине открытыми. В Эксе было еще раннее утро, но от палящего солнца невозможно было спрятаться. Оно проникало повсюду, даже сквозь судорожно сжатые веки, расстилая перед глазами багровую пелену. Комиссар тяжело дышал, и по его красному лицу струились ручьи, а кожа на спине, казалось, уже начала медленно поджариваться.

Нервничая, комиссар начал постукивать по рулю раздраженным указательным пальцем, а затем, без всякого перехода, яростно срубил ударом кулака свой несчастный GPS-навигатор. Дело в том, что дама, укрывшаяся там, уже второй раз после его выезда из дома предложила ему своим омерзительным голосом заехать в тупик. «Чертова технология...», – пробормотал комиссар. Затем он схватил бесившее его электронное приспособление и швырнул его через открытое окно машины. Однако его жертва еще не закончила подпрыгивать по тротуару, как комиссар яростно затормозил и припарковался рядом.

Мадам Барде ругалась каждый раз, когда он позволял себе подобного рода поступки. Она всю жизнь работала в системе «Гринпис», и она ни за что не допустила бы, чтобы ее муж-комиссар отпустился до такого, не понеся за это никакой экологической ответственности. Итак, он отправился забрать свой выброшенный навигатор, потом вернулся в машину, сварливо теребя свои шикарные военного типа усы, и бросил устройство в ящик для перчаток. И лишь тогда он позволил себе улыбнуться – в первый раз с момента пробуждения. Его позабавило то, что он сделал такой подарок фантому его дражайшей Жизель Барде.

Вдалеке мигалки прерывистыми сполохами обливали стены домов. Архитектор из отдела градостроительства этого мерзкого пригорода, похоже, сделал все, чтобы превратить его в запутаннейший из лабиринтов, но комиссар Барде был очень упрямым человеком, и он держал курс на этот сине-красный свет, который всегда был не только его призванием, но всей жизнью. Его рука в сотый раз отправилась на поиски никотиновой жвачки. Врачи давно объяснили ему, что у него начинается гипертоническая болезнь, и посоветовали больше отдыхать и бросить курить. Для этого за день необходимо было «сжёвывать» примерно десять этих дурацких пластинок, а для избавления от зависимости рекомендовалось употреблять никотиновую жвачку в течение двух месяцев. Да комиссар и сам чувствовал, что это необходимо сделать, но все откладывал на завтра. И вот теперь пошёл пятый день его борьбы с самим собой, и он от этого стал нервным, неуверенным, возбужденным, раздражительным...

Огни полицейских машин становились все более яркими, комиссар приближался к своей цели.

Когда он смог наконец припарковать свой автомобиль за древней «Рено-14» инспектора Лямотта, он кипел до такой степени, что был готов отчитать своего подчиненного по любому поводу и даже вообще без такового.

– Доброе утро, комиссар... Хорошо выспались?

– Привет, Морис. Я надеюсь, что у тебя имеются самые веские причины для того, чтобы заставить меня встать с кровати посреди ночи.

– При всем уважении, шеф, уже начался день...

– Я заблудился, Лямотт... Ты можешь в такое поверить? Совершенно заблудился... Послушай... Прежде чем приступить к нашему новому делу, скажи, что ты используешь в качестве навигатора?

– Вы хотите поговорить о тех женщинах, что так достают нас? Вроде той, что болтает без остановки в вашем автомобиле?

– Э-э-э?... Да, если тебе так угодно!

– У меня ничего такого нет, комиссар. Мой отчим мне как-то дал такую, несколько лет назад, но закончилось это плачевно.

– Неужели!

– Да, он нам сделал подарок во время нашего пребывания у них в Порту. Мы установили это устройство, чтобы вернуться во Францию, но мадам Лямонт лично раздавила его каблуком прямо на автостраде, в районе Бургоса.

– Мадам Лямонт? Но это же самая мягкая из всех женщин в мире.

– Да... Это действительно так, но устройство тараторило только на португальском, и она вынуждена была мне все переводить. Естественно, она постоянно ошибалась, и кончилось все тем, что мы заорали друг на друга... Почему вы улыбаетесь, патрон?

– Да так просто, хотя... Я просто представил себе эту сцену. Короче говоря, вы чуть не развелись из-за другой женщины. Не правда ли, в этом скрыт некий романтический смысл.

– Не смейтесь, шеф. А знаете ли вы, что, согласно статистике, эти женщины из GPS-навигаторов являются причиной очень многих разводов... И даже нескольких убийств...

– Хорошо, забудем об этом, Морис. Это моя вина... Отдадимся теперь целиком нашей работе... Итак? Что мы имеем на этот раз?

– Леденящая штука, шеф!

– Скажи мне, Лямонт, что это за фраза? Ты хорошо себя чувствуешь?

– Да, а что?

– Ничего... Ничего... И что же там такого леденящего?

– Замороженный.

– Что значит – замороженный?

– Труп в виде гигантской сосульки.

– Сосульки?!

– Да, рабочие скотобойни нашли труп сегодня ночью, заступая на свой пост.

– И это похоже на сосульку?

– Да, на гигантскую... В форме гроба.

– В форме гро... Обалдеть можно! Я хочу сам это видеть, Лямонт.

– Вот, патрон!

– Скажи-ка мне, Морис, как тебе это удается?

– Что удается?

– Оставаться без пиджака, в одной рубашке. Там же минус шестьдесят внутри, и рабочие вынудили меня надеть два свитера и еще эту куртку весом в восемь килограммов, специально предназначенную для больших морозов... А ты, ты идешь в одной рубашке... И тебе не холодно?

– Да, шеф, я бы солгал, утверждая обратное. Но я вырос возле Сен-Флура. Это департамент Канталь, что в Оверни. Еще ребенком мама меня мыла каждое воскресенье в реке, которая протекала недалеко от нашей фермы. Она это делала и зимой, и летом.

– Каждое воскресенье?

– Независимо от того, грязный я был или не грязный.

– И ты продолжаешь сохранять эту частоту?

– Вот именно, патрон.

– Хорошо, пусть это наше расследование и затянется, но я буду, по крайней мере, знать тайну твоего запаха, Лямонт...

– Не понимаю вас, шеф!

– Это не важно... И так... Если я правильно понимаю, у нас перед глазами место преступления?

Напротив двух мужчин, рядом с еще тремя полицейскими из научно-исследовательского подразделения, стоял длинный блок льда, поставленный на две опоры. Сквозь прозрачную глыбу льда можно было разглядеть тело внутри – тело обнаженное и совершенно белое.

– Как ни крути, это покойник. Но ещё слишком рано утверждать, был ли он убит тут или где-то в другом месте.

– А все это вокруг?

– Это форма.

– Форма?

– Форма, сделанная из куба льда, шеф. Они его... То есть я думаю, что для подобного непотребства их должно было быть несколько человек... Они вырубали лед ударами топора после того, как он застыл.

– Оставь свои поспешные выводы, которые ты так любишь, Лямотт. В них нет никакой пользы. Нам нужны только факты. Разве это не гроб?

– Нет, шеф, это просто форма... Чтобы придать льду вид гроба.

– Очень интересно!

– А то! И... Скажите, господин комиссар... Если я могу себе позволить? У вас уже есть?

– Есть что, Лямотт?

– Ну, какие-то выводы...

– Нет, абсолютно никаких. Так что быстро выходим из этого холодильника, в противном случае ты замерзнешь и останешься тут навсегда.

– Я же из Сен-Флура, я вам рассказывал...

– Да, да, Морис, ты замечательный... Хорошо, пусть наши премудрые закончат свою работу, а затем проследи, чтобы это все перенесли в морг для оттаивания.

– Вы уверены, шеф?

– В каком смысле?

– Хорошо, но в морге, как правило, хранят трупы в холоде, а не в тепле. Можно было бы, например, поставить это таять на улице?

– Твой мозг иногда такой удивительный, Лямотт. Если... Не дай бог, конечно, с тобой когда-нибудь случится несчастный случай со смертельным исходом, я думаю, что попрошу Вердье позволить мне присутствовать на твоём вскрытии.

– Это меня трогает... То, что вы говорите, патрон... Действительно... Это...

– Я пошутил.

– Ах? Это все же так любезно с вашей стороны, господин комиссар. Кстати, если вы хотите...

– Хорошо бы, но уже слишком поздно, чтобы снова ложиться спать. Давай-ка, я лучше угощу тебя кофе. Ты знаешь где-нибудь тут поблизости бар или кафе?

– Один или два – да, но все же будет лучше, если мы вернемся в Экс. Кафе тут еще закрыты в это время, да и район этот – не самый безопасный.

– Но, черт возьми, как это не безопасный! Мы же полицейские, Лямотт! Мы служители закона, и безопасность – это наше с тобой общее дело, будь то оживленная улица города или окраина какого-нибудь поселка!

– Ну, это я и имел в виду. Именно для таких людей, как мы, он и не безопасен.

Примерно через две недели комиссар Барде увидел у входа в участок поджидавшего его инспектора Лямотта.

– Привет, Морис! Что это такое? Ты уже поправился!

– Да! Извините, патрон, но вы сами – свидетель, я не слишком часто болел, но там...

– Там, на этой проклятой скотобойне, мне кажется, я тебя предупреждал. Ты прошел от более чем плюс двадцати пяти градусов к минус шестидесяти, и причем раз пять за час... И все это практически в пляжном наряде!

– Нет, это совсем не так... Это аллергия... Реакция организма, болезнь века, как пишут в журналах... У меня от нее насморк, кашель и хрипы в легких, а в этот раз была даже экзема на коже... Во всем виновата пыльца липы, я к ней очень чувствителен.

– Если ты это утверждаешь...

– Так что?

– Что что, малыш?

– Что там наша гигантская сосулька? Как идет расследование?

– Все закончилось, Лямотт, ты прибыл как раз вовремя. К самому эпилогу. Ребята из лаборатории проверяют еще две-три вещицы, все окончательно раскладывают по полочкам. Я вижу, что ты, похоже, отлично отдохнул, так что я собираюсь оставить тебя дежурить, ибо мне срочно нужны выходные.

– Не проблема, но скажите мне, шеф... Если это не будет слишком, если я вас спрошу... Как у вас получилось, что все решилось так быстро с этим расследованием?

– И, заметь, без твоей помощи, Морис! Ты отдаешь себе в этом отчет?

– Ах! Не дразните меня, патрон, я же тоже кое-что раскрыл и не один раз...

– Это правда, Лямотт, твой опыт в беготне мне порой и правда оказывался очень кстати...

– Да, но что же там оказалось... Что там наш куб льда?

– Форма, Лямотт, форма! Ты оказался прав. И, конечно же, личность работодателя нашей жертвы.

– И что это за работодатель?

– Это оказался Эрнесто Вазарелли, так называемый «король мертвых». Владелец семнадцати магазинов похоронных принадлежностей в Провансе. Он открывает новую точку каждые три или четыре месяца. И закрывает столько же, ибо его конкуренты не в состоянии противостоят его ценам.

– Это надо признать... Он хорошо устроился, этот Вазарелли. Он в своем деле действительно король. Он держит всех в ежовых рукавицах и давит всех своим авторитетом. Мы с мадам Лямотт как-то контактировали с ним, когда отправилась в мир иной тетушка Аделия. В итоге мы оказались очень довольны, хоть мы порой и терялись немного во всех его предложениях.

– Ну, те самые конкуренты, о которых я тебе говорил, похоже, были не в таком восторге, как ты, Лямотт. И вот тут-то и кроется причина. Два месяца назад менеджер фирмы «Конечная остановка», франшизы Вазарелли, был найден мертвым в Вантабране, на небольшом кладбище его родной деревни. Он был похоронен в еще свежей могиле, ожидавшей своего арендатора. Согласно протоколу вскрытия, составленному Вердые, когда его хоронили, он был еще жив.

– То есть его закопали живьем? Какой кошмар!

– Да, он умер, задохнувшись. У него обнаружили землю в легких. Катафалк с номерами из Экса был замечен там, и это позволило предположить, что след этого преступления тянется сюда к нам. Короче говоря, сначала произошло это, а затем была гигантская сосулька, и менеджеры Вазарелли начали понимать, что дело пахнет керосином. Их охватил ужас, и кое-кто тут же прибежал к нам поделиться угрозами со стороны братьев Кабриес, бывших лидеров рынка. И тогда, Морис, несмотря на твою простуду, прекрасно отлаженная машина французского правосудия, в которой мы с тобой – лишь два небольших, но весьма эффективных винтика, заработала на полную мощь...

– Уау!

– Я шучу... Все было, как обычно... Осведомители, слежка, обыски... Контроль компьютеров, прослушка...

- Отслеживание телефонных звонков...
- Это называется биллинг, Лямотт. Этот инструмент поиска позволяет найти интересующего нас человека практически со стопроцентной гарантией.
- Я знаю, шеф. Я также знаю, что такое геолокация и дактилоскопия. Хватит уже издеваться надо мной, я же не маленький мальчик.
- Ладно, ладно, малыш. Ты у нас – молодец. Но и без тебя мы сумели быстро накопать улики и доказательства, затрагивающие братьев Кабриес... Впрочем, это было не особенно-то и трудно. Потому что надо сказать про этих братьев, что хоть они и убивали с некоторым даже щегольством, но при этом не слишком скрывались. Например, они решили прикончить первую жертву, проехав по всей стране на катафалке. Вот она – человеческая самонадеянность! Это же автомобиль с обычным номерным знаком... А эта идея с кубом льда в форме гроба... Они, вот странные люди, просто разместили заказ в интернете.
- Ничего себе!
- Да, они вот так тупо нашли фирму, продающую программы для изготовления пластиковых форм с помощью 3D-принтера.
- Не слишком-то смекалисты оказались эти типы.
- Не слишком смекалисты, Лямотт, если ты это так называешь... Но, в любом случае, все хорошо, дивизионный комиссар Бельмар очень доволен, и ты уже тут. Похоже, с этой проклятой жарой даже самые необычные убийцы, то есть те, для поиска которых нас и держат на службе, не решаются выйти из своих апартаментов с кондиционерами. А знаешь-ка что?
- Что?
- А поеду-ка я завтра порыбачу на свой любимый пруд Больмон, в Мариньян, подышу чем-то иным, чем этот суп из плохо пахнущей спекшейся пыли.
- Вот как, удачной рыбной ловли! И вкусной вам ухи... И да, пока я не забыл, мне тут сообщили, когда я только пришёл, что какой-то тип был найден мёртвым возле стадиона Жорж-Каркассон...
- Чёрт побери! Похоже, плакали мои выходные...

Хитрый трюк

Полицейская машина, завывая сиреной, неслась по Эксу. Гаэль Траво, юноша лет семнадцати со вздернутым носом и широко открытыми чёрными южными глазами, одетый в камуфляжную куртку, чувствовал себя подавленным.

Было темно, и солнце должно было взойти не раньше, чем через час. Он был грязен, ему было холодно, а главное, он сидел рядом с полицейским да еще и с наручниками на запястьях. Полицейский, инспектор Годар, был парнем, похожим на бывшего боксёра, и это он взял его. Вот мерзавец! Гаэль с ненавистью подумал, что этот флик точно оставил все свои нейроны, предназначенные для приёма, обработки, хранения и передачи информации, где-то на ринге...

Чёртов флик! Так во Франции традиционно называют полицейских, и о происхождении этого слова французы спорят до сих пор. Оно точно появилось где-то в середине XIX века. Первоначально полицейские назывались «мухами», но потом, как утверждают филологи, французскую «муху» заменила нидерландская «fliege», затем превратившаяся во «flic». И уже много позже французы придумали, как расшифровывать слово «flic» – Fédération Légale des Idiots Casqués (в буквальном переводе – легальная федерация идиотов в касках).

В машине находились ещё двое полицейских. Водитель в форме и худошавый молодой парень, отзывавшийся на имя Лямонт. По мере того как они приближались к вокзалу, Гаэль Траво чувствовал, как нарастает напряжение. Слишком занятые продолжением их бессмысленной беседы, полицейские не заметили его беспокойства. А интересно, как бы они восприняли, если бы знали...

С пронзительным визгом тормозов машина резко остановилась прямо перед железнодорожным вокзалом. При других обстоятельствах это ребячество могло бы заставить Гаэля улыбнуться, но сейчас ему было уж точно не до этого.

Инспектор Годар в очередной раз грязно выругался: конвоировать пойманного преступника в Париж – это было не то, о чем он мечтал в эту ночь и в это раннее утро. Он схватил задержанного за воротник и прикрикнул:

– Вылезай живо, животное!

Инспектор Лямонт попытался успокоить его:

– Годар, оставь его. И брось ты, наконец, эту свою привычку относиться к заключенному как к зверю. До того момента, пока не будет доказана его вина, пока он не будет осужден, имело бы смысл рассматривать его как невиновного.

Высокий полицейский смерил коллегу презрительным взглядом, и Лямонт, на его фоне похожий даже не на недоучившегося студента, а на школьника, не стал настаивать.

Годар бесцеремонно вытолкнул пленника из машины. Жестокость, казалось, была его отличительной чертой. Лямонт тоже вышел и сделал знак водителю, который тотчас же уехал.

Втроём они вошли в обширный вестибюль вокзала. Гаэль Траво весь сжался, прямо-таки свернулся калачиком. В своей грязной одежде и в стальных браслетах, украшавших его запястья, он чувствовал себя крайне неловко. Он представлял себе устремлённые на него взгляды, наполненные упрёками. Он молился о том, чтобы провалиться под землю.

Инспектор Годар поднял голову, чтобы сориентироваться. Он быстро нашел нужный поезд на информационном табло. Тот уже ждал на вокзале, платформа №2.

– Веселей, чёрт бы тебя побрал!

Полицейский толкнул юношу вперед. Они направились к лестнице, ведущей в подземный переход. Туннель выводил на платформы.

Дальше они шли, не разговаривая. Высоченный инспектор Годар с его тяжелой походкой, субтильный Лямонт и полный отчаяния юноша создавали своими ботинками синкопирован-

ный ритм, усиливавшийся узким туннелем. Гаэль Траво поднял голову: удовольствие от прогулки по знакомым местам перевесило его отчаяние.

Тут ничего не изменилось. Когда он был ребенком, он приходил сюда играть. Вокзал с его перронами, уходящими поездами и пульсирующими световыми сигналами был прекрасным местом для приключений. Поначалу все старались прогнать этого слишком длинноволосого мальчишку с матовой кожей, предоставленного самому себе. Напрасно, пацан сопротивлялся и в конце концов победил. Он был добрым и сообразительным, и он заставил всех полюбить себя. Папаша Шаретт, начальник вокзала месье Келлерманн... Но его любимицей была Жюсифа Мальвуазен, работница привокзального буфета. Ему нравилось оказывать ей разные услуги, а она время от времени награждала его свежей выпечкой.

Гаэль Траво стиснул зубы. Несомненно, все эти люди следили за тем, что с ним происходило. Журналисты сумели сделать его известным. К сожалению, печально известным. О его сегодняшней доставке в Париж даже упоминалось в ежедневной газете.

Они добрались до еще пустынной платформы №2. Разноцветные огни вокзала образовывали ореолы с неопределёнными очертаниями. Балки и другие металлические конструкции рисовали китайские тени на сером фоне туманной ночи. Поезд уже ждал, и он был похож на сонного монстра. Это был внушительный состав из двадцати вагонов. Локомотив и хвостовые вагоны, казалось, растворились в тумане.

Инспектор Годар поискал взглядом их вагон номер пятнадцать. Тот стоял как раз на уровне лестницы. Последний освещённый вагон. Остальные, находившиеся в хвосте поезда, всё еще были погружены в полумрак.

Полицейский поднялся и осмотрел вагон. Годар любил не торопиться, всё делать медленно, словно укрощая окружающее его пространство. Он компенсировал медлительность размышлений неизменной строгостью процедуры. До отправления ещё оставалось двадцать минут.

В вагоне уже находился один пассажир – бабушка со своей корзинкой, в чёрной шляпке и при костылях, прислонённых к креслу. Она даже не подняла головы в направлении плохо подобранной тройцы. Гаэль Траво побледнел, когда его глаза уперлись в пожилую женщину, но он пытался скрыть свое смятение.

Инспектор Годар вздохнул при виде граффити, нацарапанного на одном из стекол: «Все флики – придурки!».

Эти метки были настоящим бедствием всех французских вокзалов. Автор граффити, определенно тот еще негодяй, явно собирался насмеяться над ними всю дорогу. Полицейские нашли отведенные им места и уселись. Инспектор Лямотт посмотрел на свои наручные часы.

– У меня есть время сбегать купить книгу.

– Ты умеешь читать? Это что-то новое.

Лямотт не отреагировал на неловкую шутку коллеги и вышел из вагона.

Инспектор Годар презрительно посмотрел на своего пленника.

– Ты, гадёныш, попал на долгие годы.

– Но я невиновен.

– Да, это возможно и так, но ты же понимаешь. Судьба пленника незавидна. Нам был нужен преступник, и учитывая, что ты оказался рядом...

– Это отвратительно!

– Допустим. Просто сейчас ты заплатишь за ту фигню, которую, без сомнения, в конце концов совершил бы. Так что не будем зря жаловаться, что правосудие медлит. Наказанный преступник – это пример для всех негодяев, а тот, кто не карает зло, тот способствует тому, чтобы оно совершилось.

Крик прервал рассуждения здоровяка Годара. Отчаянный призыв, срочное дело... По другую сторону платформы маячил неопределенный силуэт. Некто делал беспорядочные знаки. Инспектор открыл окно, и звуки стали чуть понятнее. Без сомнения, эта неистовая кукла обращалась именно к нему. Она кричала:

– Инспектор, быстрее, там ваш коллега...

И неизвестный исчез, словно проглоченный полумраком.

Инспектор Годар встрепенулся.

– Вот дерьмо!

Он ненавидел непредвиденные обстоятельства. В какую еще беду попал этот доходяга Лямонт?

Действовать в срочном порядке – это никогда не было его сильной стороной. Он посмотрел на платформы, посмотрел на своего «подопечного». Усилие мысли придавало красок выражению его лица. Наконец он решился и ловко взялся за дело. Через несколько секунд он окинул свою работу довольным взглядом творца.

Гаэль Траво стоял в полной растерянности. Одна пара наручников соединяла его правое запястье со стойкой багажного отделения, другая – его левое запястье с металлическим основанием кресла.

Перед тем как уйти, полицейский пригрозил:

– Если, несмотря на это, ты что-то пытаешься сделать...

Он расстегнул куртку и показал юноше пистолет в кобуре. После этого успокоенный инспектор выпрыгнул из вагона и зашагал в сторону подземного перехода. Не прошло и двух-трех минут, как он наткнулся в туннеле на своего коллегу, возвращавшегося неторопливым шагом с бутылкой воды и книгой в руках.

Оба мужчины переглянулись. Выражение их лиц выражало непонимание. Ошеломлённый инспектор Лямонт спросил:

– А где пацан? Ты что, оставил его в вагоне?

Инспектор Годар грязно выругался и, предчувствуя недоброе, побежал обратно к поезду.

Бабушка по-прежнему сидела на своем месте, но там, где должен был стоять арестованный, осталось только пустое кресло. Даже наручники исчезли – просто улетучились.

Инспектор Годар нервно забегал по вагону, осматривая каждый промежуток между сиденьями. Ничего! Ни малейших следов!!!

Он суетился, повторяя: «Но это невозможно... Всего несколько секунд...» Его взгляд остановился на граффити «Все флики – придурки!» Эти слова достаточно хорошо подытожили сложившуюся ситуацию.

Инспектор Годар уставился на старуху. Несмотря на её немалый возраст, ему захотелось хорошенько встряхнуть ее, да так, чтобы она подавилась своей корзинкой и своей чёрной шляпкой.

Здоровяк выглядел потерявшимся ребёнком. Но тут в дело властно вмешался инспектор Лямонт:

– Ты перекроешь доступ в поезд и распорядишься, чтобы пассажиры не покидали своих мест. А я позволю комиссару Барде, хотя я и не представляю, что я ему скажу...

Годар не протестовал.

Через час вокзал был оцеплен. Целая армия полицейских прочесывала район. Казалось, обыскали всё, но из-за электрических неполадок несколько пустых вагонов остались в темноте. Они были заперты, однако их открыли и тоже осмотрели – безрезультатно. Как говорится, тайна, покрытая мраком...

Допрос вел лично комиссар Барде. Годар и Лямотт стояли перед ним, как провинившиеся школьники. Что это было? Халатность? Разгильдяйство? Наплевательское отношение к своим обязанностям? В любом случае – неизгладимое пятно на их послужном списке.

Комиссар Барде нервно курил трубку. Он был очень расстроен, и ему никак не удавалось понять версию обоих инспекторов. «Ладно – Лямотт отправился купить книгу в дорогу. Допустим. Он – хороший парень, и он не совершил ничего предосудительного: до Парижа путь неблизкий, а Годар – это тот ещё собеседник. Но вот этот Годар... Как он мог оставить арестованного без присмотра!»

Это было невероятно, но тупой Годар, которого комиссар никогда особо не ценил, продолжал упорствовать:

– Я отсутствовал всего несколько секунд... Две-три минуты, не больше... Клянусь, патрон.

Комиссар попытался его вразумить.

– Ты не хуже других знаешь, что наручники изготовлены из специальной стали, а замки – это новейшая модель повышенной степени безопасности. Даже при посторонней помощи никто не сможет взломать это и исчезнуть за несколько секунд. Немного здравого смысла, Годар! Лучше расскажи мне, что там произошло на самом деле.

– Так я и говорю, шеф. Две-три минуты, не больше...

Опросили несколько сонных пассажиров других вагонов. Они по большей части дремали и ничего не заметили. Никто, кроме Годара, не видел типа, якобы звавшего на помощь. Один из пассажиров, нервный малый, подумал, что поезд уходит, и это его разбудило, но он тоже не смог сказать ничего вразумительного.

Бабушка не поменяла своей версии ни на йоту. Якобы юноша снял наручники, сошел с поезда и скрылся на соседнем от вокзала пустыре. Комиссар Барде удивился, что у неё все в порядке с головой. Это бросало вызов всякой логике, но, похоже, всё так и было.

Здоровяк Годар даже расплакался:

– Уверю вас, господин комиссар, я оставил его висеть, словно распятую дичь. Он не мог снять наручники.

– Но он это сделал.

– Ничего не понимаю...

Комиссар и другие инспекторы мрачно и подозрительно смотрели на Годара. Этот тип явно что-то скрывал.

Был достаточно прохладный день, но яркое солнце заливало бар «Лё Фестиваль» на бульваре Кур-Мирабо. Пожилая женщина сидела за столиком и пила горячий шоколад. Комиссар Барде подошел и, не спрашивая разрешения, сел напротив нее.

– Мне то же самое, – заказал он.

Женщина посмотрела на него с самым серьезным видом. Жорж Барде улыбнулся и мягко сказал:

– Я рад констатировать, что ваше здоровье поправляется, мадам.

– Что вы от меня хотите?

– Хочу рассказать вам одну историю, сказку с магическим превращением и всё такое...

Пожилая женщина слегка кашлянула, и на ее неподвижном лице мелькнула тень удивления.

– Когда-то давным-давно жил-был двенадцатилетний мальчик, которого приняли в свое общество, практически усыновив, все люди на нашем вокзале. Повзрослев, этот мальчик попал в беду. В большую беду. Но все, кто его знал, считали, что он невиновен в преступлении, в

котором его обвинили. Поэтому, когда сообщили о его перевозке из Экса в столицу, решили действовать.

Комиссар Барде прервал свой рассказ и неожиданно спросил:

– Кому пришла в голову вся эта идея?

– Без ложной скромности должна признаться, что мне, – ответила пожилая женщина с озорной улыбкой маленькой девочки, застигнутой врасплох у банки с вареньем.

– Bravo! Итак, вы сказали об этом начальнику станции и машинисту локомотива.

– Это было нелегко!

– Не сомневаюсь. Тем не менее вы уговорили их приготовить кое-что на всякий случай.

Вы подумали о небольшой, но очень эффективной постановке. В самом деле, ведь для нее требовались только два пустых вагона, два одинаковых граффити и немощная бабушка с костылями.

– Надо еще было воспользоваться случаем, если он предоставится.

– Когда вы увидели, как инспектор Лямотт покинул поезд, вы перешли к делу.

– Шанс был слишком уж хорош...

– Вы выманили инспектора Годара на улицу, и затем все прошло очень быстро. Хитрый трюк! Вы просто продвинули поезд на длину вагона и погрузили арестованного в темноту, одновременно заперев его. Вы были очень предусмотрительны, и вы продумали всё. Вы заранее позаботились о том, чтобы следующий вагон оставался незанятыми. То же граффити, то же окно, та же бабушка в черной шляпке с корзинкой, тот же номер вагона, но в нём больше не было заключенного. А потом у вас был почти час, чтобы освободить Гаэля Траво и переправить его в безопасное место. Бестолковый Годар не заметил подмены вагона, а Лямотт, вернувшись, был занят совсем другим...

– Когда вы это поняли, комиссар?

– На допросе. Я знал, что Годар не лжёт, он для этого слишком прямолинеен. Плюс это провокационное граффити показалось мне слишком уж навязчивым. Надпись явно должна была привлечь внимание полицейских.

– Нужен был сильный ориентир, который невозможно было бы проворонить. А почему вы ничего не сделали?

– Годар – идиот, лишенный сострадания к людям. Мне было очень приятно видеть его растерянным и в слезах.

– Гаэль – хороший мальчик, и он никого не убивал!

– Какие основания у вас утверждать это, мадам?

– Гаэль не способен убить! И у меня больше оснований, чем у кого бы то ни было, утверждать это, потому что никто не знает его лучше меня.

– Я тоже, если честно, не был до конца уверен в виновности этого мальчишки.

– Ваша карьера, месье, должно быть, сильно пострадала?

– Ничего-ничего, я уже наверстал упущенное. Я сумел арестовать настоящего преступника, и Гаэль Траво может теперь безбоязненно выйти из своего укрытия.

Пожилая женщина отпила глоток шоколада и сказала:

– Признайтесь, мы все пережили достаточно волнительное приключение.

Комиссар Барде погладил свои шикарные черные усы:

– Жюсифа Мальвуазен, в следующий раз, когда мне придётся проводить какое-нибудь сложное расследование, позвольте мне обратиться к вам за советом.

– Обязательно, господин комиссар.

Жорж Барде встал, достал из кармана свою любимую трубку из бриара, на миг задумался и вдруг спросил:

– Можно мне вас поцеловать в знак уважения и благодарности?

– Благодарности? Но за что?

– За урок, мадам. Я – полицейский, и у нас многие считают, что справедливость второстепенна по отношению к закону и порядку. Но это не так. С другой стороны, нигде не происходит столько подлостей, как в борьбе за эту самую справедливость. Но когда справедливость исчезает, не остаётся ничего, что могло бы придать ценности человеческой жизни.

Деревенщина

Комиссар Жорж Барде был известным в Провансе полицейским, но на этот раз его способности подверглись весьма суровому испытанию – преступление было только что совершено прямо на старте очередного этапа престижной велогонки «Тур де Франс».

Дивизионный комиссар Бельмар лично проинструктировал его. Речь шла о том, чтобы не испортить репутацию команд, всего Тура и его организаторов, а самое главное – местных органов власти.

В этот год шестнадцатый этап гонки должен был пройти между Эксом и Нимом, чтобы на следующий день перенести гонщиков и сопровождающий их персонал в Валанс. Ну а финишировать гонка, как обычно, должна была в Париже, на Елисейских Полях. В каждой команде было по восемь гонщиков, то есть общее количество гонщиков в пелотоне составляло 176 человек.

Всё это комиссар Барде прочитал в утреннем выпуске спортивной газеты, которую он отобрал у инспектора Лямотта. Прибыв на место, он сразу узнал логотип команды, которую искал. Впечатляющий кордон жандармов уже окружил там всё. Увидев, как Жорж Барде приближается к ним, коллеги уважительно отступили. Он прошел мимо них и протиснулся в грузовик-техничку.

– И кто только придумал такие узкие двери? Можно подумать, что на велосипедах ездят только люди с осиными талиями.

Внутри грузовика всё было на своем месте, и только большое пятно крови на полу нарушало идеальный порядок.

– А где же жмурик? – удивился комиссар.

– Трупа нет.

– Чёрт! Я знал, что это дело меня доканает! И что же тут произошло?

Ему объяснили, что труп был обнаружен техником около половины седьмого утра. Он бросился к директору команды, чтобы предупредить его, но тот, казалось, ничего не понимал. А когда они вернулись, тело исчезло.

Комиссар Барде энергично почесал свои шикарные усы, а потом расположился в местном кафе и разжёг свою первую за день трубку. Он сразу же вызвал к себе директора соответствующей команды Жозефа Лаори.

– Здравствуйтесь, месье Лаори. Я отвечаю за расследование этого убийства. Мне понадобится ваша помощь, чтобы понять, как функционирует ваш велосипедный мир, поскольку я ничего об этом не знаю.

– Я понимаю вашу озабоченность, комиссар, но Тур выдвигается через четыре часа, и моя команда нуждается во мне. Боюсь, вам придется обойтись без меня.

– Я постараюсь беспокоить вас как можно меньше, но, как говорится, что положено, то положено.

Он решил собрать всех членов команды для допроса. Он начал с велосипедистов, чтобы освободить их побыстрее – он был уверен, что это все зря, и что старт Тура состоится в любом случае.

Допросы были очень лаконичными. Жорж Барде обязательно хотел оставить при себе директора команды для возможных переводов, так как он сам говорил только по-французски. Но восемь профессиональных гонщиков команды ничего не знали, ничего не видели, ничего не слышали.

Тем не менее до ушей комиссара долетело, что его с приглушенным смехом называли деревенщиной. Он запомнил это. Пока, – сказал он сам себе, – пока.

– Они не из болтливых, эти ваши велосипедисты, – сказал он директору команды.

– Знаете, в нашей работе мы вообще-то скупы на слова. Нам нужна вся наша энергия, чтобы крутить педали, а это не всегда легко, – ответил директор.

– Хорошо, месье Лаори, приведите ко мне техников, – сказал комиссар, разыскивая в карманах своей бежевой куртки кисет, чтобы разжечь очередную трубку.

Они прошли один за другим, за исключением некоего Симона Монье, местного уроженца, который вынужден был поспешно уехать сегодня утром на какое-то непредвиденное семейное мероприятие. «С разрешения директора команды» – как пояснил технический менеджер. У техников тоже никто ничего не видел и ничего не слышал. А тот, кто обнаружил труп, сказал, что тело лежало на животе, и он даже не понял, кто это. Комиссар Барде отпустил техников.

– Я бы тоже хотел уйти, комиссар, – попросил директор команды Жозеф Лаори.

– Да, хорошо. Идите.

– Спасибо, – сказал тот, вставая.

– А, кстати, еще одна вещь. Вы сказали мне, что вашим велосипедистам нужна вся их энергия. А если ее недостаточно, что происходит?

– Ну, мы проигрываем этап, мы теряем премиальные, мы теряем престиж, мы рискуем потерять всё, и это невыносимо для нашей команды.

– Ах вот как... Невыносимо... Большое спасибо.

Директор команды собирался уже переступить порог двери кафе, когда полицейский снова остановил его.

– А этот парень Симон Монье, почему вы позволили ему уехать?

– Семейная проблема. Кажется, его отец умирает.

В то время как проходили эти допросы, время шло, и старт очередного этапа велогонки приближался с безумной скоростью. Из громкоговорителей, установленных муниципалитетом по этому случаю на бульваре Кур-Мирабо, вырывались потоки местной рекламы. Люди сновали повсюду, жандармы пытались как-то направить любопытных, которые перебежали с тротуара на тротуар, чтобы поприветствовать друг друга. Журналисты насиловали свои микрофоны, продавцы картофеля фри и бутербродов радовались, сладкие запахи блинчиков дополняли атмосферу, а голуби, возмущенные всем этим, обиженно ворковали.

Праздничная атмосфера контрастировала с нахмуренным лицом комиссара Барде, мозг которого напряженно работал, чтобы понять, что произошло сегодня утром в грузовике-техничке.

Предварительные допросы ничего не дали. Единственной точкой привязки был тот так называемый техник, который уехал рано утром. Шла проверка этой информации. Жорж Барде расширил свои поиски, и инспектор Лямотт с другими полицейскими быстро допросили все команды и весь персонал, присутствовавший на гонке. Время не ждало. Старт приближался, и тут комиссару позвонили.

– Привет, Жорж. Похоже, я нашел труп.

– Боже! Альбер, ты издеваешься?

– Приезжай и посмотри сам. Я случайно увидел кисть руки, торчащую из кучи камней.

Уже на месте комиссар обнаружил, что его школьный приятель говорит правду. Убийца явно пытался скрыть тело за городом, чтобы его обнаружили как можно позже. Однако труп был спрятан слишком поспешно.

Комиссар вернулся в лагерь Тура. Он думал, что жмурик – это Симон Монье, уроженец деревни Шатонёф-ле-Руж, находившейся в нескольких километрах, который так и не вернулся домой, вопреки тому, что было сказано полицейским. Он направил расследование по этому пути, а потом вызвал к себе руководителя службы контроля Международного союза велосипедистов.

– Здравствуйте, комиссар. Это вы ведете расследование? – спросил тот с сильным британским акцентом.

– Да, милорд. Представьтесь.

– Арчибальд Кэмпбелл. Я возглавляю команду контролёров Международного союза велосипедистов. Наша задача – проверять гонщиков, чтобы исключить допинг, а также контролировать оборудование, велосипеды, чтобы они весили, сколько положено, и так далее.

– Ах, вот как. И что?

– Один из моих контролеров исчез. Алекс Волински. Я поручил ему заняться командой, в которой было совершено убийство.

– Черт побери! Пойдемте со мной. Я как раз иду с директором команды посмотреть на найденный труп. Я должен знать, кто это.

На месте все стало ясно. Директор сказал:

– Это не Симон.

– Боже, это Алекс Волински! – воскликнул англичанин.

Эта проблема была решена. Комиссар Барде затыкнул дымок из своей трубки и принялся напевать, подражая своему кумиру Берюрье – персонажу серии детективных романов Фредерика Дара, писавшего под псевдонимом Сан-Антонио. Солнце уже было высоко в голубом небе. Голуби кружили над платанами и над фонтаном Ротонда, расположенным в конце бульвара Кур-Мирабо.

– Комиссар, караван тронется через четверть часа. Мы позволим это сделать?

– Да, да. Они могут трогаться. Только не контролеры и не техники. И также не директора команд.

– Но это недопустимо! – возмутился Жозеф Лаори. – Я нужен моим людям. Наконец, господин комиссар, это не наша вина, что вы не продвигаетесь вперед!

– А кто вам сказал, что я не продвигаюсь? – ответил Жорж Барде, хитро прищурил глаза. – Но вы правы. Отпустите всех, кроме начальника Союза велосипедистов.

После этого комиссар устроился в пивной «Эстелло». Уютный зал с красными балками и паркетным полом помогал ему думать. Он заказал местное пиво. Прошло уже почти четыре часа с тех пор, как он получил указания от дивизионного комиссара. Он чувствовал, что близок к разгадке. Он был уверен в том, о чём думает. Когда появился руководитель службы контроля Международного союза велосипедистов, комиссар буркнул:

– Присаживайтесь, милорд. И расскажите мне всё.

– Рассказать вам что, сэр Бэрдет? Или я должен называть вас Шерлок Холмс? – ответил британец, играя акцентом, чтобы злонамеренно исказить фамилию французского полицейского.

– Не очень-то вы любите полицейских, месье Камбель, – исказил в отместку фамилию англичанина комиссар Барде.

– У нас в Англии констебль вовсе не похож на французского жандарма. Констебли обычно избираются из жителей графства, следовательно, они находятся в самых близких отношениях с народом. Совсем другое положение у французского полицейского: он прежде всего лицо, не имеющее никакой родственной связи с народонаселением того округа, в котором он служит. К тому же он ещё и агент правительства, отсюда и понятно, почему он пользуется народным нерасположением и отчего на него все смотрят с недоверчивостью. При исполнении своей обязанности, английский констебль всегда найдет верного и усердного помощника в каждом жителе округа, а французский жандарм в таком же точно случае встретит в народе только одно сопротивление. В жандарме француз видит совершенно чуждую ему, неприязненную силу. Жандарм представляется народу только карателем, между тем как в констебле англичанин видит своего друга и заступника.

– Интересно вы рассуждаете, месье, – усмехнулся комиссар Барде. – Да вот только вы, похоже, не очень в курсе, что национальная жандармерия у нас – это воинские формирования, обеспечивающие общественную безопасность и охрану правопорядка, а также выполняющие функции военной полиции и судебного конвоя. Она организационно входит в состав Министерства внутренних дел, но оперативно подчиняется Военному министерству. А вот я, например, служу в национальной полиции. Мы осуществляем следственную и розыскную работу. Чувствуете разницу? И родился я в Эксе, так что не нужно морочить мне голову про то, что французский полицейский не имеет никакой родственной связи с народонаселением того округа, в котором он служит. А вот вы, месье, к моему великому сожалению, тут человек совершенно чужой, поэтому извольте отвечать на мои вопросы.

– И что же вы хотите от меня услышать?

– Ну, скажите мне, например, что искали в этом грузовике?

– Мой сотрудник отвечал за проверку соответствия оборудования правилам гонки. Он получил эту команду простым административным назначением. Больше ничего.

– Вы имеете в виду, что эта команда не находилась под подозрением.

– Ни одна команда не подозревается априори. Мы больше стремимся к тому, чтобы контроль был... как бы это сказать... сдерживающим.

– Так что ваш контролёр выполнял обычную рутинную работу?

– Да, именно так.

– И эта рутинная работа привела его в грузовик?

– Я бы так не сказал.

– А как бы вы сказали? Хотите пива, месье Камбель? Нашего?

– Кэмпбелл. Арчибальд Кэмпбелл. Что же касается вашего пива, то нет, спасибо. Я предпочитаю английский эль.

– Бога ради, не стану настаивать. И все же – что делал ваш контролер в грузовике?

– Я бы сказал так: если Алекс Волински попал в техничку, то там было что-то, что, вероятно, его заинтриговало.

– Скажите, а кроме веса велосипеда, что может не соответствовать правилам?

– Ну, мы с некоторых пор ищем электрические махинации.

– Электрические махинации! На велосипедах? Вы уверены, что не хотите пива? И что это за история с электрическими велосипедами?

Британец вздохнул. Он был подавлен этой игрой. Он понимал, что комиссар играет с ним в кошки-мышки.

– Это небольшие электродвигатели, скрытые в трубах велосипеда, которые помогают вращать колеса. Это позволяет двигаться немного быстрее и, прежде всего, меньше утомляться.

– Это правда? С такой системой не нужно больше употреблять допинг?

– Именно так, господин комиссар.

– То есть ваш контролёр мог зайти в грузовик, чтобы искать фальшивые велосипедные рамы?

– Да, или что-то ещё. Недавно, например, были найдены педали с мини-электродвигателем, скрытым в самой оси.

– В оси? И как распознать эту штуку?

– У нас есть электронные планшеты, которые улавливают электрические волны, когда их устанавливаешь в сантиметре от трубки или оси.

– В сантиметре! А если пройти немного дальше или быстрее...

– Мы ничего не обнаружим.

– Так что же делал ваш контролер в грузовике?

– Не знаю, господин полицейский, не знаю.

Беседа на этом закончилась. Жорж Барде еще некоторое время размышлял, прежде чем дать указания инспектору Лямотту. Затем он принялся за технического менеджера команды, имеющей отношение к убийству. Мужчина явно страдал. Его взгляд, казалось, что-то искал. Он сел и лихорадочно развел руками.

– Ваше имя?

– Лоик Бурдонна.

– Вы технический руководитель команды. Чем вы занимаетесь?

– Я должен быть гарантом правильной работы велосипедов, назначенных гонщикам. У каждого чемпиона есть свои велосипеды. Я имею в виду, что каждый велосипед оборудован под одного конкретного спортсмена, а не под другого. И все они имеют по три велосипеда.

– И вы тоже гарант соблюдения правил Тура, месье Бурдонна?

– О чём вы говорите?

– Вес велосипеда, колеса... Проверить, что велосипед не имеет каких-либо скрытых штук. . .

– Я не понимаю, о чём вы говорите.

– Ух ты! Разве не странно, что техник вашего уровня не понимает, о чем я говорю? Кто же отдает приказы в вашей команде?

– Директор команды. Я ничего не знаю. Не я же покупаю велосипеды.

– Почему вы так защищаетесь? Вы что-то скрываете или боитесь? И потом я говорил об электродвигателях, а не о покупке велосипедов. В вашей знаменитой команде есть электрические велосипеды?

– Я говорю вам, что это не я. И потом сегодня утром я еще не встал в пять часов.

– Так это случилось в пять часов? Этот самый Симон Монье был в грузовике в пять часов? Вы это подтверждаете?

– Но я ничего не сказал. Это неправда. Я ничего не знаю! Директор команды, месье Лаори, разрешил ему уехать, а не я.

Теперь пот с допрашиваемого стекал большими каплями.

Комиссар не стал настаивать. Он отпустил технического менеджера и дал новые указания инспектору Лямотту. Услышав отчет об убитом контролёре Алексе Волински и о пропавшем технике Симоне Монье, он снова вызвал к себе директора команды.

Тур тронулся в путь уже полчаса назад. Директор влетел, опрокидывая стулья, явно пребывая в ярости.

– Это недопустимо! За кого вы себя принимаете, чёртов флик из этой провинциальной дыры! Сукин сын, вот вы кто! Вы ещё услышите обо мне, я вас уверяю!

– Месье Лаори, я отмечаю оскорбление сотрудника полиции, исполняющего свои служебные обязанности. Я приказываю вам стоять и не двигаться, если вы не хотите оказаться в наручниках.

Директору, похоже, словно стукнули кулаком по голове. Его кипящий от злости взгляд в миг превратился в вопросительный, а затем в его глазах появилась тень страха. Он тут же успокоился. Как могла эта деревенщина позволить себе так с ним разговаривать?

– Скажите мне, что вы делали в грузовике сегодня утром в пять часов с контролёром Союза велосипедистов и Симоном Монье?

– Но меня там не было, – сказал он, пораженный этой прямой лобовой атакой. – Я не знаю, о чём с вами говорить.

– А я вам скажу: вы покупали молчание контролёра.

– Но нет, я не понимаю.

– Вы отдали деньги Симону Монье до или после убийства?

– Я невиновен. Я не понимаю, о чем вы говорите.

– Я говорю об электродвигателях, спрятанных в осях педалей. Я говорю о том, что контролёр шантажировал вас, и что вы сочли это перебором. Я говорю об убийстве, которое вы совершили, чтобы покончить со всем этим. Я говорю о трупе, который вы попросили Симона Монье, уроженца этих мест, спрятать под кучей камней. У нас есть все доказательства.

Услышав такое, Жозефа Лаори буквально рухнул на стул, а потом воскликнул:

– Это не я его убил! Это Симон!

– Ну, посмотрим. Мои люди только что обнаружили Симона на чердаке его дома. Кстати, он дал нам конверт, в котором было пятьсот тысяч евро, на котором мы наверняка найдем ваши отпечатки. Он уже почти во всем признался, – солгал комиссар Барде.

И тогда директор рассказал ему всё. Двигатели в велосипедах скрывались в течение двух лет. Накануне контролер Международного союза велосипедистов Алекс Волински случайно обнаружил новую систему обмана, изобретенную в этом году – это были электромагниты, вставленные по всему ободу заднего колеса. При контроле рамы его планшет оказался рядом с шиной и отреагировал.

Контролёр предложил финансовую договоренность, и Жозефа Лаори согласился после консультации с главным спонсором.

– Мне достаточно провести планшет более чем в сантиметре от рамы или шины и быстро пройти мимо, чтобы ничего не было обнаружено, – пообещал Алекс Волински.

Но во время доставки конверта в грузовик он потребовал второй за следующую неделю. Директор команды вышел из себя, толкнул его, и контролер упал, ударившись головой о край полки.

Директор попросил Симона Монье спрятать тело в обмен на конверт и исчезнуть на день-два.

Дело было раскрыто еще до завершения шестнадцатого этапа. Босс компании-спонсора был арестован в Ниме в тот момент, когда победитель этапа, гонщик из соответствующей команды, проходил финишную черту.

Комиссар Барде сидел перед телевизором в пивной с кружкой пива и тарелкой типичной для Прованса утиной грудки с инжиром и медом, когда позвонил дивизионный комиссар Бельмар:

– Bravo, комиссар! Последствия этого расследования будут глобальными. Это настоящий скандал. Мы станем знаменитыми. Ведь гонка «Тур де Франс» – это самое престижное соревнование после чемпионата мира по футболу и Олимпийских игр. Ее проводят с 1903 года. Что вы чувствуете в настоящее время?

– Ох, господин дивизионный комиссар, что я чувствую... Не надо было им называть меня деревенщиной!

Реквием для послушницы

Зазвонил телефон. Комиссар Барде протянул руку и нашупал будильник, думая, что разбудил его именно он. Собственно, тот тоже звонил. Чёрт, сколько же сейчас времени? Комиссар почувствовал себя атакованным с двух сторон сразу.

– Они меня достали...

Жорж Барде сел на край кровати, зажег прикроватную лампу и взял часы. Факты вполне согласовывались с его предположениями: пять часов утра – час, когда ласточки только начинают свой дурацкий писк.

– Разве человек не имеет права вкусить по полной программе свой заслуженный отдых?

Комиссар Барде открыл окно, и тут же на него пахнуло свежим воздухом. Звук будильника продолжал перемежаться с короткими звонками телефона.

Он перевернул будильник, как в свое время поступал с черепахой своей сестры. Злобный аппарат прекратил трезвонить. Но у него принял эстафету еще один звонок, более резкий. Нет, – подумал комиссар, – вы все хотите моей смерти. А потом он крикнул:

– Все в порядке, иду! Но пусть только у этого будет важная причина, иначе я...

Он открыл входную дверь.

– Лямотт, малыш, чем я обязан подобному удовольствию?

– Шеф, только что обнаружили мёртвую девушку, – взволнованно ответил инспектор Лямотт.

– Да, конечно же, ничего оригинального. Люди рождаются и умирают даже по воскресеньям. Мы сейчас приготовим хороший кофе и все посмотрим в другой день, не так ли?

– Я уже проглотил три чашки кофе.

– Не всем дается такой шанс. А разве сегодня не дежурство Ламантена? Он что – приболел?

– Нет, – мотнул головой инспектор Лямотт. – Дивизионный комиссар Бельмар потребовал, чтобы вы лично занялись этим делом.

Комиссар Барде почувствовал нечто похожее на гордость. Но не нужно спрашивать у своего помощника, почему именно так. В последнее время он вообще придерживался принципа не забивать себе голову второстепенными соображениями.

– Значит, эта мёртвая еще свежая? – спросил комиссар в шутку.

– Она в монашеском одеянии, – ответил Лямотт.

– Чёрт, наверное, это господь призвал к себе одну из своих послушниц?

– Она вся изрезана, а это не слишком по-католически. И ей vybrили череп.

Комиссар Барде перемолол зерна и налил еще кипящую воду. Приятный запах кофе наполнил комнату.

– Хорошо, хорошо... Надеваю брюки, и я в полном распоряжении национальной полиции Франции. Хорошо ещё, что мадам Барде сейчас в отъезде, а то она дала бы нам жару за утреннее беспокойство. Для нее воскресенье – это святое, и раз в неделю я должен на одни сутки обо всем забывать.

С диктофоном в руках комиссар Барде задавал вопросы:

– Кто обнаружил тело? У нас есть заявление об исчезновении? В окрестностях есть действующий женский монастырь? К какой общине принадлежала сестра? Это действительно монахиня?

Вопросы следовали один за другим. И Жорж Барде запретил давать ответы заранее. Ответы, словно нить Ариадны, потащили бы за собой другие вопросы. А он оставил эту игру на потом.

Прибыли на место преступления. Это было тихое место на берегу реки Дюранс, в которой рябили длинные водоросли, похожие на лошадиную гриву. В некоторых местах можно было различить тихий плеск воды, проходящей через порог из камней. Она булькала, образуя заводь, где прятались форели.

– Надо как-нибудь вернуться сюда, чтобы порыбачить, – сказал комиссар и разжёл свою первую за день трубку.

– Вот мёртвая...

Это было похоже на мечь. Лицо жертвы было опухшим.

– Платье и было таким? – спросил комиссар Барде.

– Нет, я так не думаю, – ответил инспектор Лямонт.

– Пусть всё положат на свои места, как увидел тот, кто первым нашёл тело. И быстро, быстро, быстро...

Позвали туриста, обнаружившего тело.

– Вы нашли её? – спросил комиссар Барде.

– Нет, – ответил турист, – это моя собака.

– Вы нашли её так? – уточнил комиссар, указав на мёртвую пальцем.

– Не совсем.

Комиссар Барде повернулся к местному жандарму, подняв брови.

– Мы накрыли ей ноги, – стал оправдываться жандарм. – Это было неловко.

– Но почему? – закричал комиссар Барде. – Вам же всегда говорят, что не надо ничего трогать. Мы же не развлекаемся здесь. У нас труп и где-то скрывающийся убийца...

– У неё была открыта верхняя часть бедер.

– Но вы разве не понимаете, что каждая деталь говорит нам об убийце! Боже мой! Ты заставляешь меня ругаться...

Комиссар Барде, нервно приглаживая свои чёрные усы, потребовал, чтобы всё привели в первоначальный вид. Быстро, быстро, быстро...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.